Заслуженное одобрение

Таганрогский драматический театр закончил свои гастроли в Ростове. Продемонстрировано было много сценических образов, возбуждено немало мыслей и чувств.

Подводя итоги гастролей театра, прежде всего хочется отметить его обширный, содержательный, за некоторым исключением, репертуар. Были показаны пьесы Чехова, Толстого, Островского, Шоу, Касона, советских драматургов.

Наш краткий обзор гастролей надо, пожалуй, начать с наиболее яркого и надолго остающегося в памяти спектакля «Олеко Дундич».

Чем ближе мы подходим к большой и необычайно величественной дате, праздновать которую готовится вместе с советскими народами все прогрессивное человечество, — к 40-летию Октябрьской социалистической революции, тем роднее становятся картины нашего прошлого.

Вспомнить суровую и величественную романтику ратных будней гражданской войны — это значит оживить в памяти образы людей, которые по зову пламенного сердца пошли с оружием в руках против врагов революции, это значит с новой силой воздать им все то лучшее, что они заслужили, опять пережить за них большое, не умирающее чувство великой гордости.

На спектакле «Олеко Дундич» зрители весь вечер находились в атмосфере, насыщенной запахом боевой жизни с ее трудными буднями, с радостным и бурным торжеством молодых революционных сил. В этом большая заслуга режиссера С. Лаврова и всего творческого коллектива.

Честь сыграть Олеко Дундича выпала актеру П. Будяку. И надо сказать, он оправдал ожидания зрителей. На сцене мы увидели человека, принявшего правду Ленина, как свое кровное дело. П. Будяк жил, врос в образ Дундича. Большая увлеченность актера, гармоническое слияние его мыслей и чувств с желания-

К итогам гастролей в Ростове Таганрогского театра

ми и стремлениями героя — вот те живительные силы, которые создали яркий образ легендарного воина.

Спектакль шел в ритме, выражающем стремительность и напряженность событий гражданской войны. Чувствовалась внутренняя собранность людей, организованность и единство их действий. Зрители смотрели и понимали, что так вести себя, такими могут быть только люди, которые взялись за оружие для того, чтобы навсегда закрепить за народом завоеванную революцией свободу.

Зрители видели на сцене Ворошилова (В. Шагов), Буденного (заслуженный артист РСФСР В. Волков), Орджоникидзе (Г. Маркович), сербов, сражающихся против белых — Ходжича (И. Колесников), Палича (В. Успенский), Драгича (Д. Устинов), Рошевича (А. Сласский). Каждый из этих актеров внес свой полезный творческий труд в спектакль.

У Таганрогского театра достаточно острое чувство жанра и стиля. Особенно четко это проявилось в спектакле «Пигмалион» Бернарда Шоу. Режиссер А. Гутьеррес, сохраняя особенность стиля выдающегося английского драматурга, верно истолковала идейную направленность пьесы, сделала ошутимой ее сатирическую общительную силу. Зрители поняли и почувствовали, как убежденно и горячо драматург защищает достоинство простого человека из народа и идовито высмеивает человекоподобных манекенов лондонского «света».

Заслуженная артистка РСФСР Л. Антониук за время гастролей выступила в нескольких ролях. В спектакле «Пигмалион» ее дарование проявилось с наибольшей художест-

венной убедительностью. Образ цветочницы Элизы Дулиттл создан актрисой в полном согласии с законами сценического воплощения. Она движется, растет, обретает новые черты и, что самое важное для театрального искусства, незримо подвывает зрителя в круг происходящих на сцене событий и заставляет переживать волнение. Люди, сидящие в зале, полностью становятся на сторону бедной девушки. Это и есть тонкое мастерство актрисы.

Игра Л. Антониук рисует живые картины биографии уличной цветочницы. Элиза груба, дерзка, манеры ее угловаты. Но у девушки чистая совесть, ясный ум, ее представление о жизни морально выше, чем у тех леди и джентльменов, которым она куска хлеба ради продаст цветы. Так, снимая с уличной цветочницы ее неприглядный покров, Л. Антониук раскрывает ее незанятную душу.

Элиза Дулиттл попадает в дом профессора фонетики Генри Хиггинса. Он, прославленный исследователь диалектов, решил проделать занятный эксперимент. На удивление всем Хиггинс устранил недостатки речи простой девушки, и она стала великолепно говорить по-английски. Вот здесь и начинают назревать перевернувшие жизнь Элизы события, внутренний смысл которых психологически тонко и идейно верно поняла Л. Антониук. Экспериментируя над Элизой, профессор переносит на язык, шокирующем «высшее общество», уличную продащицу цветов, и теперь уже не один джентльмен сочтет для себя за счастье поволочиться за этой общительной девушкой.

Профессор Хиггинс торжествует. А Элиза? Где ее место в жизни? Опять на улице, умолять прохожих, чтоб они купили фиалки?.. Ни души Дулиттл ложится горе. Она поняла, что нужна была Хиггинсу, как кролик естественному испытанию.

Сцену духовного прозрения, рожда-

ющего бурный протест против бездушия Хиггинса, Л. Антониук вела горячо и волнующе. Чувствовалось, что в груди ее Дулиттл хлопотала обиды, когда она говорила профессору: — «Я бы вас задушила сейчас, если бы мне было жаль себя! Вы меня вытащили из грязи? А кто вас просил?».

Актриса приоткрыла завесу души Элизы, и зрители поняли, в каком отчаянии эта девушка. Но они вместе с тем и почувствовали, что это отчаяние придаст ей силы справедливого и гневного обвинения эгоизма профессора, который убеждает Элизу в том, что она свободна и может делать, что хочет.

Достоинным партнером Л. Антониук был заслуженный артист РСФСР В. Волков. Артист обладал основной чертой характера профессора: он увлеченно изучает произношение, но не замечает происходящего, он интересуется фонетическим аппаратом человека, но безразличен к его душе, человек для Хиггинса всего лишь подсобный материал для опыта.

Хиггинс, как и этом нас убедил В. Волков, всегда и во всем оставался верен себе, своему поведению, своим привычкам, своему отношению к людям. Но опыт с простой девушкой неожиданно принял другой оборот: Элиза одержала победу над Хиггинсом. В. Волков очень живо раскрыл комический характер поражения ученого.

Приятное впечатление оставила игра З. Рутковской, исполнившей роль матери Хиггинса, И. Игнатьевой — его экономки — миссис Пирс. Жаль, что актеру Л. Волчкову не удалось более тонкими средствами решить образ мусорщика — отца Элизы, в который Шоу вложил много взрывчатой силы своего сатирического таланта.

Значительные творческие возможности театра проявились и в спектакле «Бедность не порок». Режиссер Б. Потик, верно прочтя пьесу Островского, помог исполнителям создать атмосферу купеческой тупости, затхлости, самодурства и невежества.

Спектакль «Бедность не порок» крепко внутренне связан. Слова ве-

ликого драматурга звучат на сцене во всю обличительную силу. Страшен своей козностью купец Гордей Торцов, которого играл С. Лавров, тонким чувством отмечена игра И. Трояновой и Л. Антониук, исполнивших роли жены Гордея Торцова и его дочери. Низкую мораль изобразил в своем «герое» — Коршунове А. Серняев. По-хорошему мягок и лиричен приказчик Торцова — Митя, роль которого исполнил В. Шагов. По праву большое место в спектакле занял образ Любима Торцова, созданный В. Волковым.

В свое время, когда театр делал первые шаги, он поставил пьесы Чехова «Три сестры» и «Иванов». И до сих пор мы не забыли этих истинно чеховских спектаклей, в которых замыслы выдающегося драматурга воплотились в пластическую театральную форму. Помните, как вынукло и живо был нарисован каждый образ, как искренни были чувства и как хорошо они передавались со сцены в зрительный зал. Не только прямой смысл текста, но, что особенно важно для драматургии Чехова, содержание подтекста — того, о чем не сказано, но имеется в виду, — эти спектакли раскрывали глубоко, живо, художественно убедительно.

Театр продолжил работу над драматургическим наследием Антона Павловича Чехова. Спектакль «Чайка» заслуживает серьезного внимания и все же полностью принять его нельзя, так как режиссер С. Лавров не во всем верно истолковал замысел драматурга.

Что в спектакле располагает к себе, что находится в согласии с идеей пьесы? Чехов, присутствуя на репетиции Александринского театра, остался не доволен искусственной игрой актеров. Он сказал: «Играют они много... игры бы поменьше. Надо все это совсем просто. Вот как в жизни обыкновенно делают». Этим «как в жизни» и озаглавлен спектакль. Все в нем живет, все имеет свою логику, свой практический смысл. Люди размышляют, любят, ревнуют, радуются, печалятся. Живыми видятся Маша (А. Штынова), Дорис (В. Гармашов), Треплева (П. Будяк),

Сорина (заслуженный артист РСФСР В. Волков).

Чехов в своей пьесе видел «пять пудов любви». Что же он имел в виду, говоря об этом? И любовь Треплева к Нине Заречной, и тяготение ее к Тригорину, и влечение к нему Аркадиной. Но над всем этим Чехов поставил самоотверженную любовь к большому правдивому искусству, указывающему пути к будущему, искусству, близкому и нужному народу.

Артист С. Лавров верно трактует образ писателя Тригорина. Он сочетает в этом человеке известную привлекательность с ущербностью, творческий дар художника с мучениями, сковывающими его талант. С. Лавров верно видит в Тригорине основное — ведущую мысль Чехова. Писателю угрожает автоматизм, опасность творчества без общественного пафоса, порождаемые отсутствием «общей идеи». Тригорин пишет в силу выработанной привычки, а не по зову сердца, влекущего истинного художника в гущу жизни. Тригорин начинает понимать драму своего творчества. И это отчетливо показывает С. Лавров.

Образ стареющей актрисы Ирины Николаевны Аркадиной, созданный актрисой З. Рутковской, — лучшее, художественно наиболее завершенное, что есть в спектакле. Перед нами женщина, имеющая большой жизненный опыт. Она способна рыдать над книгой, «отхватить наизусть всего Некрасова», она умеет и любит трудиться. Но живет ли и не подлинный художник, который своим искусством преследует высокие цели? Нет. И это блестяще показала З. Рутковская. Аркадина любит театр, поскольку он приносит ей успех. Она живет театром не потому, что стремится к большому, вдохновенному высокой идеей искусству. В театре Аркадина любит себя, любит шумный успех, овации, она извлекает из искусства личную пользу. Все это становится ясным в художественно убедительной игре З. Рутковской.

Как же выглядит в спектакле Нина Заречная, которая, по мысли Чехова, нашла свое место в искусстве

и этим поднялась над Тригориним и Аркадиной. Заслуженная артистка РСФСР Л. Антониук со свойственным ей талантом перевоплощения создала живой образ человека духовно красивой души. Игра актрисы одухотворена горячей искренностью чувств. Нина Заречная, какой видел ее Чехов, способна на жертвы ради большого, высокого искусства. Но не сразу, а пройдя через личные страдания, она выработала в себе это качество.

Не вдруг ей стала понятна красота смелого, трудного и все же свободного полета. Вот этого-то духовного роста Нины Заречной, этой ее готовности все принести в жертву настоящему искусству и не видно в игре Л. Антониук. Неразделенную любовь Заречной к Тригорину режиссер и актриса выдвинули на первый план, а гордое счастье Нины, рожденное пониманием того, что теперь она уже «настоящая актриса», оказалось затуманенным.

Надо было дать понять зрителям, что Заречная в высоком искусстве обрела свою веру, силу воли, свое счастье, цель и смысл жизни. Тогда бы не было основания считать, что чеховская пьеса — это грустная история о том, как бессердечный Тригорин «застрелил жившую на озере чайку» — Заречную.

Гастроли Таганрогского театра в Ростове — это его творческий отчет. Поэтому позволительно будет высказать некоторые замечания, касающиеся сценической культуры того, что вынесено на суд зрителей. Не всегда на должном уровне режиссерская работа. Это порождает слабую выразительность ряда мизансцен, известную вялость или, наоборот, неоправданную напряженность массовых сцен; не всегда речь отвечает законам сцены, не во всех случаях слово превращается в действие. Крайне желательно, чтобы в спектаклях, в первую очередь лучших, не дряхло ни оформление, ни сценическое самочувствие актеров.

Мы адресуем это всему творческому коллективу Таганрогского театра, желая ему новых творческих успехов.

И. БРАИЛОВСКИЙ.